

Алия Наконечная

СОН

роман о любви, которая живёт в двух мирах

Алия Наконечная

Сон

«Автор»

2026

Наконечная А.

Сон / А. Наконечная — «Автор», 2026

Десять лет назад Алекс исчез из жизни Клэр. Без объяснений, без прощания, без единого шанса получить ответы. Теперь у Клэр есть всё, о чём можно мечтать: любимый муж, успешная карьера и спокойная жизнь. Но однажды ночью Алекс возвращается. Во сне. Сначала Клэр принимает происходящее за игру собственного воображения. Однако с каждым днём сны становятся всё реальнее, а странные совпадения всё чаще просачиваются в действительность. Почему Алекс появился именно сейчас? Что он пытается ей сказать? И какую цену придётся заплатить за встречу с человеком, которого она так и не смогла забыть? Захватывающий роман о первой любви, тайнах человеческого сознания и выборе между прошлым и будущим.

© Наконечная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обычно я не люблю менять привычные маршруты	6
Глава 2. Когда мне исполнилось двадцать лет, я впервые полюбила	8
Глава 3. В конце марта наша Ассоциация получила государственный заказ	9
Глава 4. Я умыла лицо и попыталась сосредоточиться на отчетах для инвесторов	12
Глава 5. После ужина мы с Марком сидели в гостиной и разглядывали свадебные фотографии	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алия Наконецная

Сон

Не стоит недооценивать сны –
они выпускают из тени потаенные желания,
в которых мы боимся признаться даже самим себе.

Глава 1. Обычно я не люблю менять привычные маршруты

Обычно я не люблю менять привычные маршруты, но ученые уверяют, что ходить разными дорогами полезно для создания новых нейронных связей в голове. К тому же после скверных снов, которые не давали мне покоя всю неделю, я нуждалась в неторопливой прогулке. Именно поэтому я решила отправиться на работу пешком. Оставила машину дома и с удовольствием нырнула в приятную прохладу сентябрьского парка в самом центре города. До начала рабочего дня оставалось полчаса, и я позволила себе замедлить шаг и насладиться теплым осенним днем.

Я прошла через основную площадь, заполненную людьми, и свернула в заброшенную часть. Несколько лет назад ее закрыли на реконструкцию, и, кажется, напрочь о ней забыли. Повсюду валялись пластиковые стаканчики, обертки от жвачек и сигарет. Дорожки густо заросли сорной травой, покрылись опавшими листьями и сухими ветками. За все время мне встретился лишь один собаковод, выгуливающий старых овчарок, да низкорослый старичок, неторопливо перебирающий тростью сухую листву. Несколько раз мне казалось, что за спиной кто-то идет. Я оборачивалась, но аллея оставалась пустой. Только ветер перекачивал по асфальту сухие листья.

Когда-то здесь стояли деревянные скамейки, на которых сидели влюбленные пары, играла музыка, а по аллеям разъезжали фургончики с мороженым. Я любила этот парк, но, имея на то веские причины, дала себе клятву ни за что сюда не возвращаться. В первые месяцы после случившегося я даже меняла маршруты, лишь бы случайно не увидеть кованые ворота парка из окна машины. Мне казалось: стоит только снова войти сюда – и прошлое, терпеливо ждавшее все эти годы, поднимет голову. Однако в тот день, любуясь листьями, шуршавшими на ветру, я не заметила, как нарушила свою клятву.

Я уже направилась к выходу, как вдруг перед глазами всплыл образ давно забытого прошлого – старый ржавый фонарь, неуклюже покосившийся набок. Самая обычная лампа накаливания, каких в городе давно не устанавливают. Совершенно неэстетичный, стоящий в одном ряду со стройными современными светильниками, он казался нелепой ошибкой городского архитектора. Я и раньше думала, что его намеренно оставили здесь для того, чтобы люди, глядя на него, осознавали всю бесполезность перфекционизма и учились принимать несовершенства этого мира. Но для меня фонарь был примечателен не столько своим несуразным видом, сколько образами, погребенными в далеком прошлом. Казалось, он изо всех сил пытался их воскресить.

«Если мы когда-нибудь потеряемся, я буду ждать тебя здесь», – сказал мне когда-то один человек, стоя под этим фонарем, протягивая эскимо и неловко поправляя сползший шарф.

Я потрясла головой, отгоняя ненужные мысли. Лампочка внутри фонаря дрожала неровно, будто свет исходил не от электричества, а от чьего-то прерывистого дыхания. На мгновение мне показалось, что в области сердца что-то кольнуло, а дыхание участилось. Но только на мгновение – за последние годы я слишком хорошо научилась подавлять чувства, не позволяя им задерживаться внутри дольше положенного. К тому же мне нужно было думать о работе. В конце года в издательстве ее всегда много: предстояло решить, издавать ли одного малоизвестного, но подающего надежды писателя, или отдать его конкурентам, провести планерку среди редакторов и утвердить буклет для презентации. Плюс отчет для инвесторов... Марк, мой муж и владелец издательства, как всегда, был прав – я взяла на себя слишком много.

Я пришла в издательство, но, несмотря на обилие задач, работать не могла. Я закрыла таблицу, но перед глазами по-прежнему горел старый фонарь. Меня раздражало, что спустя

столько лет одна старая железяка способна выбить меня из равновесия сильнее, чем реальные проблемы. Фонарь в парке стал якорем, зацепившимся за дно моего прошлого и потянувшим за собой. Я смотрела на экран монитора, но видела не отчетные таблицы и буклеты, а отражение молодой девушки, вчерашней студентки, получившей должность младшего научного сотрудника, которая открыто смотрела людям в глаза и всем сердцем верила в любовь.

Глава 2. Когда мне исполнилось двадцать лет, я впервые полюбила

Когда мне исполнилось двадцать лет, я впервые полюбила. Его звали Алекс. Мы вместе работали в Федеральной Ассоциации снов – научно-исследовательском институте, изучающем сновидения и проблемы сна. Мы были коллегами из смежных подразделений, но, работая, пересекались редко. Встречаясь в коридорах Ассоциации, мы обменивались лишь вежливым «привет» и расходились по своим делам. Но все изменилось весной две тысячи четырнадцатого года.

Однажды во время совещания у директора я чуть не упала в обморок. Почему-то на планерках он всегда наглухо закрывал окна и двери, и мне становилось трудно дышать. Я вышла на улицу – мне срочно нужен был свежий воздух. Тот март выдался ранним: солнце припекало почти по-летнему, птицы захлебывались пением и даже воздух казался непривычно легким. Пара минут на весеннем крыльце вернула меня в чувство, и я направилась обратно. Мимо меня со стаканчиком капучино в руках пробежал кто-то из коллег – видимо, тоже спешил на планерку. На бегу кофе выплеснулся и разлился по гладкому полу просторного холла. Не заметив этого, я наступила в скользкую лужицу и потеряла равновесие. Все могло закончиться печально, если бы не пара мужских рук, в объятия которых я с облегчением упала:

– Прошу прощения! Я не специально, – я попыталась оправдаться.

– Все в порядке. Не волнуйся, – это был мой коллега Алекс. Он крепко держал меня и улыбался.

– Ты спас меня от чудовищной очереди у травматолога и долгого больничного, – улыбнулась я в ответ. – Спасибо!

На следующий день я снова шла по коридору, уткнувшись в отчет, и не заметила рабочих, протягивающих в здании кабель. Я споткнулась и опять чуть не упала, но Алекс успел подхватить меня за локоть прежде, чем я рухнула на пол:

– Кажется, это становится традицией, – его голос звучал спокойно и низко, будто он всегда был уверен в своей правоте.

– Видимо, ты мой ангел-хранитель, – улыбнулась я и посмотрела ему в глаза. Такого цвета глаз я раньше не видела. Если бы я захотела получить этот оттенок, то смешала бы на палитре растопленный молочный шоколад и ванильный пломбир. Его взгляд будто предлагал забыть, куда я вообще шла.

– Такими темпами мне придется сопровождать тебя по всему институту, – усмехнулся он.

– Это угроза?

– Скорее научный интерес. Хочу понять, как человек может ежедневно пытаться себя покалечить.

Мне тогда показалось, что я рассмеялась громче, чем следовало.

В тот день мне было тяжело сосредоточиться на работе: директор несколько раз вызывал к себе и указывал на ошибки. А вечером на мобильный пришло сообщение: «Привет, это твой ангел-хранитель. Сохрани мой номер. Вдруг тебе снова понадобится помощь».

Глава 3. В конце марта наша Ассоциация получила государственный заказ

В конце марта наша Ассоциация получила государственный заказ. Алекса, меня, мою подругу Джулию и еще нескольких сотрудников из разных подразделений включили в состав закрытой исследовательской группы по изучению осознанных снов. Мы начали работать вместе. Сидя за длинным столом во время обсуждений, я часто ловила на себе взгляд Алекса. Я боялась его. Или себя. Тогда я еще не понимала.

Помню день, когда мы завершили проект. Всей группой мы отправились в кино. Я сидела в зале и переписывалась с мамой, а когда погас свет, не заметила, кто занял кресло рядом со мной. Я почувствовала только запах – ни с чем не сравнимый и незнакомый. Он состоял из оттенков сандала, натуральной кожи и кофе. Пока я пыталась разобрать эти волнующие ноты, на мою руку осторожно опустилась чья-то ладонь. Это был Алекс. Я повернулась к нему. На долю секунды наши взгляды встретились, и он поцеловал меня – едва ощутимо, словно проверяя, не выбегу ли я от неожиданности из зала. Я вжалась в кресло и боялась пошевелиться. Мне казалось, что сердце вот-вот вырвется из груди.

Однажды я прочитала, что некоторые люди способны покинуть свое тело и парить в пространстве. Клянусь, в тот миг, когда Алекс поцеловал меня, я вознеслась над залом и наблюдала за происходящим откуда-то сверху. Вот он – такой же напуганный, как и я, доверившийся порыву чувств, крепко сжимает мою руку. Вот я рядом с ним – бледная и испуганная, замерла и боюсь дышать. Вот наш коллега – заметив нас, он тут же отворачивается, делая вид, что ничего не увидел. А вот герои на экране кинотеатра – будто специально разыгрывают громкую сцену, чтобы отвести от нас любопытные взгляды зрителей.

Алекс отстранился, а я все никак не могла прийти в себя. Его рука по-прежнему лежала на моей, из-за чего пульс никак не хотел возвращаться к привычному ритму, а дыхание оставалось поверхностным и сухим, как после долгой пробежки. Если бы меня спросили, о чем был тот фильм, я не смогла бы ответить. Мысли спутались, и мне хотелось одного – убежать домой и спрятаться от Алекса, от себя и от всего мира и ждать, пока вернутся привычные чувства.

После сеанса мы всей компанией отправились в кафе. Алекс сел напротив, а я не могла оторвать взгляда от тарелки с греческим салатом. Так и просидела весь вечер, перебирая вилкой оливки и крупно нарезанные помидоры и прячась от настойчивого взгляда его светлокариных глаз.

Вечером он написал.

Текстовые послания многое упрощают: не нужно смотреть собеседнику в глаза, на ходу пытаться выдать что-то остроумное, а потом, так ничего и не придумав, пробубнить под нос какую-то нелепость. С сообщениями можно обдумать десяток вариантов, написать, стереть, снова написать и снова стереть – и в итоге отправить самый удачный. Идеальное решение для таких застенчивых людей, как я.

Мы переписывались с Алексом до утра, и весь следующий день тоже. А потом нас поглотила страсть. Мы слишком быстро стали близки – не телом, а душой. Совпали характерами, настроением и даже запахами. Мы были юными и не заглядывали в будущее. Я не спешила расставаться с детской взбалмошностью, а он хотел казаться мудрым и опытным. Я играла роль наивной девочки, он – покровителя. И нам обоим нравилась эта игра.

Мы любили одинаковые фильмы и постоянно были голодны. Наши свидания напоминали похождения бродячих собак на фермерском рынке: мы шли на запах, перебегая от одного кафе к другому, в поисках блюд повкуснее и побольше. И все время смеялись. Над длинным носом случайного прохожего, над рыжей проплешиной охранника в торговом центре, над излишне

выщипанными бровями помощницы директора. Это было постстуденческое время: мы все еще оставались юны и беззаботны, но уже не нуждались в одобрении родителей, и могли сами обеспечить себе скромную, но безудержно веселую жизнь.

Мы встречались и в дождь, и в неистовый зной. Иногда мы просто ехали вдоль побережья без всякой цели, наблюдая, как солнце тонет в океане. Нас тянуло друг к другу, как ночь манит прохладу, а маяк – обезумевшие от странствий корабли.

Порой Алекс настолько увлекался разговорами о работе, что переставал замечать все вокруг. Однажды я полчаса рассказывала ему о болезни матери, а он вдруг перебил меня на полуслове и начал объяснять очередную гипотезу о природе сна. И тогда я замечала, как легко работа вытесняет для него все остальное. Иногда мне казалось, что рядом со мной одновременно существуют два человека: тот, который смотрит на меня так, будто я – центр его мира, и тот, который в любой момент способен забыть о моем существовании ради очередной идеи.

На работе мы скрывали свои отношения. Нам казалось, что тайна добавляет им огня. Пересекаясь в длинных коридорах Ассоциации, мы старались не смотреть друг на друга, чтобы не рассмеяться и не разрушить игру. Но стоило нам остаться наедине, как мы теряли голову и падали в объятия своей нежной любви.

Полгода длился этот танец двух неоперившихся птенцов, насмотревшихся голливудских ромкомов и решивших, что жизнь на экране и в реальности – одно и то же. Но насколько ярок огонь пылающей свечи, настолько же горек дым от ее угасания. Алекс получил выгодное деловое предложение и улетел на соседний континент, а я осталась бродить по мокрым улицам осеннего города, по которым еще недавно мы гуляли вдвоем, держась за руку и заливаясь смехом.

Я многое бы отдала, лишь бы не испытывать ту физически ощутимую, тянущую боль, начинавшуюся по утрам и не отпускавшую даже ночью. Я не хотела ни есть, ни пить, не отвечала на звонки, не ходила на работу. Подруга договорилась, чтобы мне оформили медицинский отпуск, избавив меня тем самым от сочувственных взглядов коллег: буквально за пару дней до отъезда Алекса на работе узнали о нашем романе – кто-то случайно увидел нас в парке аттракционов и разнес эту новость по офису.

Две недели я почти не вставала с постели и смотрела на желтую стену своей комнаты. Когда-то радующая глаз, оттенка медового абрикоса, она навсегда утратила солнечную жизнерадостность и превратилась в тусклый кусок штукатурки цвета бычьей желчи. Но я однажды вычитала, что бог не посылает человеку испытаний, которые тот не может вынести. Тогда я впервые поняла, что человек способен выжить даже после того, что в моменте кажется концом жизни.

Я уволилась из Ассоциации, купила мольберт и краски и начала рисовать. Небо, моря, горизонты – мне хотелось изображать что-то большое, растворяющее мои заплесневелые чувства в потоке бесконечного. Так пришла взрослая, спокойная и размеренная жизнь. Я долго училась жить заново, а потом вышла замуж за владельца книжного издательства, Марка Филиппа.

С Марком жизнь была спокойной, предсказуемой и удивительно безопасной. Рядом с ним ничего не болело. Тогда мне казалось, что именно это и есть счастье. Спустя десять лет совместной жизни мы с мужем по-прежнему держались за руки и приглашали друг друга на свидания. Но иногда, оставаясь одна или услышав в фильме знакомую фразу, я замирала и подолгу смотрела в потолок, чтобы не дать чувствам размякнуть, а слезам – испортить макияж.

Я потрясла головой, возвращаясь к таблицам и буклетам для презентаций.

Нельзя. Я запретила себе вспоминать прошлое.

Нельзя.

Нельзя.

Нельзя.

Будь неладен этот чертов фонарь.

Глава 4. Я умыла лицо и попыталась сосредоточиться на отчетах для инвесторов

Я умыла лицо и попыталась сосредоточиться на отчетах для инвесторов. Через час пришло сообщение от Марка. Он приглашал меня на обед.

Марк – хозяин книжного издательства, в котором я работаю помощником главного редактора. Его компания не такая крупная, как известный на всю страну «Пингвин», но достаточно зрелая и уверенная в себе, чтобы вводить моду на книги и вести за собой самую разнообразную публику – от молодых домохозяек до бизнесменов почтенного возраста. «Пингвин» трижды пытался нас поглотить, но мы оказывались ему не по зубам. Если честно, мне всегда казалось, что от слияния двух издательств выиграли бы обе стороны, но Марк не желал об этом даже слышать.

– Издательство «Филипп энд сан», – обычно говорит он, высоко задирая нос, – будет носить имя своего основателя, моего великого деда, и сменит его только тогда, когда я отправлюсь к праотцам!

В вопросах, не касающихся поглощения нас другими издательствами и дешевых книжных переплетов (я еще расскажу об этом), мой Марк нетороплив, педантичен и щедр. Марк никогда не повышает голос. Даже когда злится, он начинает говорить медленнее и поправляет манжеты рубашки – будто пытается сначала привести в порядок себя, а уже потом мир вокруг.

За эти годы Марк стал для меня самым близким человеком. Раз в месяц мы ездим к его родителям в соседний штат, раз в неделю заходим на соседнюю улицу к моим, раз в квартал выбираемся с друзьями в горы. Отпуск мы предпочитаем проводить в Китае, а Рождество – дома. Марк не хранит в шкафу скелетов, а его настроение можно угадать по изгибу бровей. Рядом с ним мне не нужно казаться лучше, чем я есть на самом деле. Он делает мою жизнь удобной и комфортной, и я благодарна ему за это.

Нашим отношениям открыто завидуют друзья и часто ставят нас в пример другим. Мне это не нравится. Марк же, напротив, никогда не отказывается от комплиментов и каждый раз прилюдно повторяет, что мы – идеальная пара. Наша жизнь течет размеренно и ровно. Мы не ищем поводов для ссор, уважаем личное пространство друг друга и любим черно-белые фильмы под горячий глинтвейн. Издательство Марка приносит хорошую прибыль, сотрудники работают ответственно, а клиенты возвращаются снова. Возможно, кто-то назовет мою жизнь однообразной, но меня, ценителя стабильности и определенности, она полностью устраивает, и я считаю себя абсолютно счастливым человеком.

В день, когда в заброшенном парке я случайно наткнулась на старый фонарь, я пришла домой раньше мужа. До его возвращения оставалось несколько часов, и я решила заняться домашними делами. Отправила курицу в духовку, сервировала к ужину стол, обновила вазы с цветами. В надежде найти работу, на которую бывает жалко разменивать выходной, я остановила взгляд на книжном шкафу в центре комнаты. В нем красовались сочинения классиков мировой литературы, и я вспомнила, что давно не вытирала пыль с их дорогих кожаных обложек.

К разговору о дорогих обложках. У моего Марка есть небольшой пунктик – классическую литературу он покупает и издает только в коже.

– Нельзя облекать мысли великих в дешевую оболочку! – возмущается он. – Разве Стейнбеку или Диккенсу понравилось бы, что их бессмертные шедевры упакованы в дешевую бумагу массой в полторы унции и белизной, едва доходящей до шестидесяти процентов? Они оставили нам великое наследие, и наша задача – сохранить его в первоклассном виде!

Я смеюсь каждый раз, когда в книжном магазине вижу мужа, с негодованием сотрясающего «Джейн Эйр» или «Айвенго» в недорогом мягком переплете.

Но вернемся к шкафу. Протерев пыль с томов английской прозы девятнадцатого века, я присела на колени и оказалась в мире русской поэзии двадцатого. Я доставала книги, аккуратно протирала их салфеткой и бережно возвращала на место. Все тома в ряд, одного размера, строго в алфавитном порядке – это работа моего мужа. Я почти закончила уборку, когда заметила, что «Конец прекрасной эпохи» Бродского не хочет возвращаться на свое место – будто со стороны стены ему что-то мешает. Я снова присела на колени и увидела сборник стихов Эмили Дикинсон. Девятнадцатый век на полке двадцатого – такого не могло быть. Только не в шкафу моего педантичного мужа. Я улыбнулась находке и открыла книгу. В следующую секунду краска залила лицо, пульс неровно запрыгал на запястье, пальцы разжались сами собой. На развороте ровным, красивым почерком было выведено:

«И если встреча суждена
Не здесь – в ином миру,
Я жизнь сдеру как шелуху
И вечность изберу...»

Строки напомнили мне, что десять лет назад – всего-то, а кажется, будто прошел целый век – мы с Алексом сидели на скамейке в том самом парке, и он подарил мне эту книгу.

Снова Алекс. Второй раз за день.

Мне не хотелось думать ни о старом фонаре, ни о сборнике стихов, но это оказалось непросто. С юности я увлекалась знаками и верила в их сакральное значение – предупреждать людей о несчастьях. Внутренний голос шептал, что грядет нечто, способное изменить мою реальность: спокойная река жизни поднимется к горной вершине, а затем сорвется вниз, смешавшись с булыжниками и валунами, понесется шипящим потоком и сметет по пути привычный уклад и все, к чему я успела привыкнуть за эти десять лет.

Я оказалась права.

Глава 5. После ужина мы с Марком сидели в гостиной и разглядывали свадебные фотографии

После ужина мы с Марком сидели в гостиной и, разглядывая свадебные фотографии, смеялись над моей коротко стриженной челкой и его длинными бакенбардами. Мы сошлись во мнении, что десять лет брака пронеслись незаметно. Марк отметил, что за все это время мы ни разу серьезно не поругались.

– Как считаешь, это нормально? – спросила я.

– Это просто прекрасно! – ответил он.

Муж с благодарностью окинул взглядом сверкающие стекла книжного шкафа, достал одну из книг и сказал, что останется в гостиной почитать перед сном. Я поцеловала его и отправилась в спальню. Я хотела, как обычно, перед сном обменяться сообщениями с родителями, но стоило подушке коснуться моей головы, как я тут же отдалась власти Морфея и унеслась в его далекие миры.

Я хорошо выспалась, но, едва проснувшись, почувствовала тревогу. Необъяснимая и загадочная, она подкралась тихо, как утренний туман, который медленно наползает на город и растворяет привычные очертания вещей; он не несет явной угрозы, но все же лишает людей прежнего покоя. Я решила, что мое беспокойство связано с предстоящим отъездом Марка – днем он должен был лететь в Нью-Йорк на переговоры с нашими давними партнерами. Но позже, сидя в кафе во время обеденного перерыва, я поняла истинную причину беспокойства – ночью мне снилось что-то неприятное. Я прикрыла глаза и попыталась вспомнить. Но со мной осталось лишь странное ощущение чужого присутствия. Будто кто-то стоял совсем рядом, пока я спала, и терпеливо ждал, когда я его узнаю.

Это был мужчина. Кажется, во сне мы были знакомы и даже разговаривали. О чем – я не помнила: сон ускользал. Всего пару мгновений назад его образы казались объемными и живыми, но стоило мне ухватиться за воспоминания, как они растаяли так же быстро, как исчезают на песке следы от набега морской волны. Призрачные тени то мелькали перед глазами, то угасали. Мне казалось, что я теряю что-то важное. И чем сильнее я цеплялась за сон, тем быстрее меркли фигуры и сказанные фразы, растворяясь в заботах рабочего дня. В итоге осталась лишь тонкая нить необъяснимой грусти, тянущая обратно в сон, который, мне уже не удастся вспомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.